

V Международная богословская конференция
Русской Православной Церкви

«ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВАХ»

Москва, 13–16 ноября 2007

М.М. Бернацкий
ИС РПЦ

«ХЛЕБОПОКЛОННАЯ ЕРЕСЬ» И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ДОГМАТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ЕВХАРИСТИИ В МОСКОВСКОМ БОГОСЛОВИИ XVII В.

Спор о времени пресуществления Св. Даров, разгоревшийся во 2-й пол. XVII в. в Москве, имел огромное значение для истории Русской Церкви. По словам известного дореволюционного исследователя этой темы Г. Мирковича, вопрос о времени пресуществления, «конечно, оставался богословским вопросом, но в существе дела под ним или за ним скрывался другой вопрос, от решения которого зависел целый строй общественной жизни, перемена взглядов и господствующего направления», т.е. сугубо богословский спор представлял собой на самом деле столкновение двух цивилизационных направлений: греческого и латинского, отражая специфику переходного состояния образования и богословия в России XVII в. Потому и результаты полемики, как мы увидим, носили противоречивый характер.

В нашем докладе мы обратимся к непосредственно историко-богословской проблематике спора и покажем, почему именно время пресуществления хлеба и вина в истинные Тело и Кровь Господа стало центральным вопросом полемики, а также обратим внимание на другой вопрос, связанный с богословием Евхаристии, а именно, проблему природы литургийных частиц, вынимаемых на проскомидии в память святых и в поминовение живых и усопших — преллагаются ли они в Тело Христово, или нет. Последний вопрос также поднимался в контексте спора о времени пресуществления и, к сожалению, остался без внимания многочисленных работ, посвященных истории интересующего нас спора.

Как известно, Восточная Церковь в 1-е тысячелетие своего существования не имела догматического учения о таиносовершительной формуле в Евхаристии и не учила о конкретном моменте, в который происходит преложение Даров. Об этом свидетельствуют и известные нам формуляры литургий свт. Иоанна Златоуста и Василия Великого, не содержащие никаких рубрик о необходимости поклонов на установительные слова или после эпиклезы. Вместе с тем, обязательность эпиклезы Св. Духа для совершения жертвоприношения единодушно подчеркивалась св. отцами. Примечательно, что распространенные в византийских источниках VII–XII вв. указания на посещение Св. Духа во время возгласа «Святая святым» не вызывали никакой негативной реакции и не означали, в свою очередь, отрицания снисхождения Св. Духа во время эпиклезы.

Только в поздневизантийское время ряд православных авторов начинают подчеркивать этот момент Литургии (эпиклезу), после слов которой Дары можно считать освященными (Феодор Мелитинский, св. Николай Кавасила, блж. Симеон Солунский), что было связано с порицаниями со стороны латинян использования эпиклезы, исключенной из Римской мессы (нет необходимости просить об освящении Даров после установительных слов). Но тот вопрос так и не стал предметом официальной полемики до Ферраро-Флорентийского Собора (XV в.), когда папа Евгений IV поставил на обсуждение вопрос об освящении Даров *только* установительными словами. Вопрос так и не получил окончательного разрешения (митр. Исидор Киевский, например, так и не согласился с тем, что преложение происходит только силою установительных слов, рассматривая их вслед за Кавасилой как семена, без которых не может взойти плод, т.е. пресуществление), несмотря на заявление Виссариона Никейского от лица всей православной партии со ссылкой на Златоуста, что

«слова Господни суть то, что превращает и пресуществляет хлеб и вино в истинные Тело и Кровь Христову». По возвращении с Собора противник Унии свт. Марк Эфесский в защиту православного учения составил небольшой трактат «Изъяснение Божественной литургии: о том, что не только произношением слов Спасителя освящаются божественные Дары, но (именно) последующими за ними молитвой и благословением священника, силою Св. Духа».

В латинской Церкви догмат о пресуществлении установительными словами получил окончательное утверждение в XVI в. на Тридентском Соборе, сделавшись обязательным для всего католического мира: соответствующие слова, означающие время преложения и необходимость поклонения Св. Дарам при произнесении установительных слов Господа, были внесены в Римский миссал.

Именно распространение Римского миссала и стало решающим в вопросе рецепции учения о преложении установительными словами в Малороссии, которая в 1596 г. была присоединена к католической Польше. Несмотря на усердную борьбу в Малороссии с униатством и католичеством, в частности, посредством активизации издательской деятельности, исправления богослужебных книг и школьной реформы, схоластическое латинское учение о сущности, форме, материи и интенции в таинствах проникает сначала в новоисправленные богослужебные книги южно-русской печати (Стрятинский служебник Гедеона (Балабана) 1604 г., Виленский служебник 1617 г., Служебник Петра (Могилы) 1629 г. (переиздан с поправками и дополнениями в 1638 и 1639 гг.), Требник П. Могилы 1646 г.), а затем и в богословские сочинения малороссов («Экзегезис» С. Коссова 1635 г., «Лифос» П. Могилы 1644 г., «Мир с Богом» Иннокентия Гизеля 1669 г., «Выклад о церкви святых и о церковных речах» Феодосия Сафоновича 1667 г. и др.). Основные причины рецепции латинского учения о времени пресуществления в контексте учения о 4-х необходимых условиях для совершения таинства Евхаристии, по нашему мнению, следующие:

1. Отсутствие в формулярах литургий Иоанна Златоуста и Василия Великого каких-либо указаний относительно момента преложения и совершения поклонов освященным Дарам, что важно прежде всего с церковно-практической точки зрения и могло восприниматься южно-русскими справщиками как восполнение лакун в силу стремления упорядочить богослужение в тогдашней малоросской Церкви.
2. Отсутствие в Восточной Церкви до XVII в. четко сформулированного и соборно утвержденного православного догматического учения о пресуществлении Даров через призывание Св. Духа, т. е. во время епиклезы.
3. Получение латинского образования как единственно возможного.

Проникновение учения о пресуществлении установительными словами в Великороссию было связано с постепенно усиливавшимся распространением сочинений юго-западной письменности и приездом в Москву южно-русских книжников, особенно после присоединения в 1654 г. Украины. Так, в московском издании Служебника 1655 г., исправленного в ходе никоновской sprawy по Стрятинскому служебнику 1604 г. и Венецианскому евхологию 1602 г., в литургии Василия Великого появляется рубрика о приклонении главы и благословении священником Даров в момент произнесения слов «Приимите, ядите...» и «Пийти от нея...» Это место сохранялось во всех последующих изданиях и было исправлено по указу патриарха Адриана только в издании 1699 г.

В 1677 году вышел из печати «Чиновник архиерейского служения». В основу книги было положено «Изъяснение Божественной литургии», составленное по просьбе царя Алексея Михайловича и патриарха Никона приезжавшим в Москву в 1653 году патриархом Константинопольским Афанасием III Пателларием и одобренное на Московском Соборе 1667 года

патриархами Александрийским Паисием и Антиохийским Макарием. При подготовке издания 1677 г. справщик Евфимий Чудовской, будущий лидер православной партии в интересующей нас полемике, пользовался Служебником митр. Петра Могилы 1639 г., в результате чего справщики отступили от указаний «Изъяснения...» патриарха Афанасия снимать митру и надевать омофор во время пения «Тебе поем...» перед епиклезой и перенесли данное действие на момент, предшествующий произношению слов «Приимите, ядите...»

Тот же Евфимий в 1-й редакции (т. е. до приезда Лихудов) составленного им на основе Требника Могилы по распоряжению патриарха Иоакима руководстве для священников («Воумление священникам»), впоследствии известное как «Учительное известие») замечает, что «образ или совершение Тела Христова суть словеса Господня над хлебом... Сими словесы хлеб пресуществляется...»

Таким образом, ко времени приезда греческих братьев Иоанникия и Софрония Лихудов в 1685 г., посланных Иерусалимским патриархом Досифеем с целью основания в России высшей школы, Русская Церковь официально держалась латинского учения о времени пресуществления Св. Даров, почему впоследствии защитники латинского учения (Сильвестр Медведев, свт. Димитрий Ростовский и др.) абсолютно искренне считали, что защищают истинно православное учение.

Наибольшей остроты и широкого распространения в обществе дискуссии вокруг вопроса о времени пресуществления достигли после того, как в марте 1685 г. он обсуждался на публичном диспуте Лихудов с Яном Белободским, после чего в споры стали вовлекаться не только духовные, но и светские лица. К партии «грекофилов» во главе с Лихудами примкнули справщик Евфимий Чудовской, архиеп. Афанасий Холмогорский, патриарх Иоаким и др.

В это время возникает и литературная полемика, начало которой было положено трактатом Сильвестра Медведева «Хлеб животный», где выражалось и обосновывалось мнение «латинствующей» стороны конфликта о пресуществлении евхаристических хлеба и вина «Христовыми словесы». По мнению Мирковича, эта книга была «пущена в обращение с целью пропагандирования уже упомянутого нами сочинения Сафоновича «Выклад»». Спустя некоторое время с патриаршей стороны последовал ответ на сочинение Медведева — «тетради» Евфимия Чудовского «Опровержение латинского учения о пресуществлении».

С появлением этих трактатов полемика еще более обострилась, что привело к написанию целого ряда новых сочинений, среди которых — «Книга о Манне хлеба животного» (1687 г.) Сильвестра Медведева, «Показание на подверг латинского мудрования» Евфимия Чудовского, «Акос, или Врачевание, противопологаемое ядовитым угрызением змиевым» братьев Лихудов (сочинение появилось в переводе с греческого в отредактированном виде весной 1688 г.), «Книга о пресуществлении» Афанасия Холмогорского (датированная автором декабрем 1688 г.) и др. Вылившись в письменную форму, споры послужили основой для окончательного размежевания и более четкого оформления позиции противоборствовавших сторон.

Вопрос о времени пресуществления Св. Даров был подробным образом изучен с привлечением святоотеческого наследия и литургико-канонической литературы и обсужден на страницах целого ряда полемических сочинений, среди которых особое место занимают два фундаментальных полемических сборника «Остен» и «Щит веры», в которых православная позиция нашла наиболее полное выражение. Сборник «Щит веры», созданный позднее «Остена» и включивший в себя содержание последнего, был призван стать наиболее полным и авторитетным компендиумом материалов (включая официальные документы) по истории полемики.

Необходимо также отметить, что спор стал мощным импульсом к усилению переводческой деятельности, поскольку для обоснования своей позиции «грекофилам» было важно ввести в круг полемики дополнительные материалы. Были переведены на славянский язык сочинения поздневизантийских и поствизантийских богословов (свт. Нила Кавасилы, св. Николая Кавасилы, блж. Симеона Солунского, Мелетия Сирига, Гавриила Севира, Досифея Иерусалимского, Нектария Иерусалимского и др.), «Апостольские постановления», Литургия св. апостола Иакова, Деяния

Флорентийского Собора и др. Много греч. изданий для нужд полемики присылались в Москву Иерусалимским патриархом Досифеем. В основном все эти сочинения были переведены Евфимием Чудовским, отдельные сочинения переводили помощники чудовского инок под его руководством.

В итоге в январе 1690 г. патриархом Иоакимом был созван Собор с целью положить конец спору о пресуществлении, который в силу своего церковно-практического значения (когда творить поклоны во время Литургии) будоражил не только церковные круги, но и простых людей. На соборе «хлебопоклонную ересь» предали анафеме. Сильвестра Медведева как главного идеолога и выразителя взглядов латинствующих осудили, а книги южно-русской печати, содержащие латинские ереси, включая Требник митр. Петра (Могилы), были преданы анафеме. Лидер латинствующей партии Сильвестр (Медведев) был казнен 11 февраля 1691 г. как политический преступник.

Кроме того, исповедание пресуществления Даров во время эпиклезы было включено в текст архиерейской присяги, и, как уже отмечалось, по указу патриарха Адриана, несмотря на решение Собора 1667 г., запретившего любую правку новоисправленного Служебника, в издании 1699 г. из литургии Василия Великого убрана рубрика о приклонении главы и благословении священником Даров в момент произнесения установительных слов. Тем не менее, следы «хлебопоклонной ереси» и до настоящего времени остаются в нашем архиерейском Чиновнике, который так и не был исправлен, несмотря на то, что при новом издании Чиновника в 1721 г. справщик Федор Поликарпов обратил внимание Синода на присутствие рубрики о поклонах и благословении Даров архиереем при произнесении установительных слов.

Что касается проблемы освящения поминальных частиц, то здесь ситуация несколько проще. Этот вопрос ко времени возникновения евхаристического спора в Москве уже был предметом латинско-греческой полемики в XVI–XVII вв. (напр., сочинения Гавриила Севира «О частицах», трактат о пресуществлении Севаста Киминита, переведенный в нач. XVIII в. на слав. язык), в которой греки отстаивали общепринятое к тому времени символическое толкование природы частиц, принадлежащее блж. Симеону Солунскому, и невозможность причащения ими, поскольку они не прелагаются наряду с Агнцем в Тело Христово. Кроме того, запрет причащать поминальными частицами в составе рубрики «О раздроблении святаго Агнца» содержался уже в старопечатных изданиях русского Служебника (заметим, что вопрос о точном времени и причинах включения этого запрета в формуляр остается открытым и ждет дальнейшего исследования), в частности, в Киевском служебнике Петра (Могилы), и присутствует в нашем Служебнике до сих пор.

Однако в своем Требнике (1646 г.) Могила высказал мнение, что частицы также пресуществляются, если священник имеет к этому намерение (*intentio*). Та же мысль присутствует и в книге «Мир с Богом человеку» Иннокентия (Гизеля). Мнение о пресуществлении не только Агнца, но и частиц в контексте нашего спора оказалось ассоциировано с позицией «латинствующих»; впрочем, в эксплицитной форме соответствующее утверждение встречается у Сильвестра Медведева лишь однажды — в его трактате «Хлеб животный» и, что интересно, без упоминания учения о намерении: «Ведати подобает, яко Христовыми словесы не точию сам Агнец тамо в предложении освящается в Тело Христово и пресуществляется, [но] и вся на томже дискосе приносимая. Аще бо и вящше на проскомидии действуется и глаголется над Агнцем, неже над частками, приготавлиюще хлеб ко освящению от словес писания; обаче якоже вино, над нимже меньше тогда глаголется, уготовляется довольне ко освящению — сице и сия части».

Спустя некоторое время инок Евфимий Чудовской в небольшой заметке «Показание на подверг латинскаго мудрования...» назвал еретическим не только мнение о пресуществлении Св. Даров установительными словами, но и мнение о пресуществлении частиц из неагничных просфор — без указания, однако, источников, на которых основывал свое мнение Сильвестр.

В последовавших затем полемических сочинениях обеих сторон вплоть до Собора 1690 г. мы не находим никаких упоминаний о проблеме пресуществления частиц. Таким образом, полемика, как таковая, по этой проблеме не состоялась: чудовской инок не затронул тему частиц в своем следующем

полемическом трактате, а Сильвестр, видимо, не считал нужным отстаивать свое мнение по этой частной теме дальше.

Лишь в составленном Евфимием Чудовским уже упомянутом нами сборнике «Остен», где подведены итоги завершенных споров и дано опровержение проникшим в киевские издания элементам латинской доктрины, появляется опубликованная нами (в журнале Вестник ПСТГУ I: Богословие и философия. 2006. Вып. I: 16. С. 129–144) отдельная глава «О частицах изъемлемых в проскомидии». Кроме того, в «Поучительном слове патриарха Иоакима», зачитанном на Соборе 1690 г. патриарх Иоаким, перечисляя содержащиеся в Требнике Петра (Могила) ереси, наряду с пресуществлением словами Господа и крещением через обливание, а не погружение, называет мнение о предложении частиц и возможности причащения ими.

И глава «О частицах...», и «Поучительное слово» — так же как и ряд других разделов «Остена», впоследствии вошли в сборник «Щит веры». Глава «О частицах...», авторство которой принадлежит Евфимию, направлена напрямую (без упоминания Сильвестра) против уже упомянутого нами учения о пресуществлении частиц при наличии у священника «намерения» освятить их и против мысли о допустимости причащения частицами, содержащихся в Требнике Петра (Могила), а также в книге «Мир с Богом человеку» архимандрита Иннокентия (Гизеля). Согласно Евфимию, это учение распространяется теми же лицами, кто отвергает освятительную силу епиклезы, и вступает в противоречие с «чином» (здесь — практикой) Восточной Церкви; верной же является точка зрения, основанная на авторитетном мнении блж. Симеона Солунского (обширные выдержки из которого приводятся в главе) и согласная с практикой Церкви.

Само же учение о «намерении» (тем более что к тому времени оно уже было рецепировано, в том числе, и греками) священника совершить литургию «по уставу Господню и обычаю Церкви святой Православно-кафолической восточной» как необходимом условии совершения Евхаристии Евфимий сохраняет в полной мере в составленном им «Учительном известии», но с уточнением: что пресуществление совершается Духом Святым «по словеси Божественных словес: «И сотвори убо хлеб в Тело Христово, и вино в Кровь его Божественную, предложив Духом Твоим Святым» (Служебник. М., 2003. С. 419, 425). Подобное же уточнение относительно необходимости наличия у священника «намерения» совершать только и исключительно то, что должно совершаться согласно общецерковной практике Церкви — молясь об освящении лишь того, что только и должно освящаться — т. е. молясь о пресуществлении Агнца, но не частиц, — Евфимий использует и в главе «О частицах...»